

© 2001 г., ЭО, № 2

И.Л. Б а б и ч

ИСЛАМ В СОВРЕМЕННОЙ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ*

1990-е годы стали поворотными для активизации религиозной жизни во всех регионах России, в том числе и на Северном Кавказе. Процесс возрождения ислама в той или иной мере затронул все северокавказские республики. Наибольший рост численности религиозных общин отмечен в Дагестане и Чечне. Однако и в современной Кабардино-Балкарской республике (далее – КБР) идет бурное строительство сельских и городских мечетей.

Как известно, в 1920–1930-е годы произошло повсеместное закрытие богослужебных учреждений и к началу 1940-х годов в КБР функционировали только 36 мечетей из 239 существовавших до революции, а к 1951 г. их осталось всего 7. Позже, в 1950-е годы, в период либерализации советской религиозной политики, ситуация несколько изменилась: к 1961 г. в КБР было уже 20 мусульманских общин, объединивших 875 прихожан, и 230 служителей культа¹. Начиная с 1985 г. в республике наблюдается постепенное увеличение числа мусульманских объединений: в 1994 г. в КБР было зарегистрировано около 100 мусульманских общин и действовали 40 мечетей, в 1999 г., по официальным данным, существовало 140 религиозных общин, в действительности число их превышало 160². В настоящее время, как правило, в крупных кабардинских селениях работают по три мечети, одна из которых – старая. Как и до революции, вновь появились квартальные мечети, в которые ходят на службу жители одного квартала. В небольших населенных пунктах обычно строится одна мечеть. Новые мечети, как правило, большие и вмещают значительное число прихожан (до 1500 чел.). В их строительстве принимают участие как крупные мусульманские организации, так и прихожане сельских мечетей³.

Что стоит за этим бурным строительством богослужебных зданий и ростом численности мусульманских сельских и городских общин в КБР? Какова реальная сфера применения ислама в этой республике? Что значит ислам для современных кабардинцев и балкарцев? Религиозно-этическая область или правовые нормы? Какова позиция властных структур, местных политиков и духовных лидеров по отношению к исламу? В предлагаемой статье мне хотелось бы остановиться на этих вопросах. Прежде чем я перейду к анализу современной религиозной жизни кабардинцев и балкарцев, обращусь к историческим корням и судьбе ислама в этом регионе.

История проблемы. В течение XVI – первой половины XIX в. ислам укрепил свои позиции в восточных областях Северного Кавказа (Чечня, Дагестан). Но на Северо-Западном Кавказе этого не произошло: можно сказать, что ислам (ханафитского мазхаба) в этом регионе имел ограниченную сферу применения, затрагивая главным образом ритуальные и культурно-бытовые аспекты и практически оставляя в стороне собственно правовые нормы. В течение XVIII–XIX вв. на Северо-Западном Кавказе, в том числе в Кабарде и Балкарии, исторически сложился полиюридизм,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке фонда Джона и Кэтрин Макартуров (проект № 99-57294).

заклучавшийся в двуединстве обычного и религиозного (шариатского) права. Вплоть до XX в. в этом регионе уголовные преступления против личности и собственности регулировались по местным адатам, а гражданские и семейно-наследственные иски – и по местным адатам, и по шариату.

Как показали исследования Х.М. Думанова, Л.Г. Свечниковой, М.Ч. Кучмезовой, а также материалы моих архивных изысканий, нормы шариата по разделу имущества или наследства в кабардинском и балкарском обществах применялись редко⁴. Народ предпочитал обращаться к адатам. Как правило, наследственные нормы шариата применялись только в тех случаях, когда участники конфликта просили об этом. По данным Л.Г. Свечниковой, в области наследования кабардинцы применяли следующую норму адата: старший и младший братья имели преимущественное право перед остальными братьями – их доли были больше⁵. Иногда применялась и смешанная система наследования: при рассмотрении дел о разводе горцы применяли и нормы адата, и нормы шариата, но первые, как подчеркивала Л.Г. Свечникова, преобладали⁶.

В период проведения судебных преобразований (1860-е годы) российское правительство, учитывая преимущество шариата как более совершенной правовой системы, предпочло поддерживать именно его. Первым шагом данной политики стало введение в практику новых, учрежденных российской администрацией судебных органов – сельских и горских словесных судов, придерживавшихся тех норм шариата, которые касались семейно-имущественных отношений⁷.

В *сельском словесном суде* духовные лица, называемые у кабардинцев и балкарцев *эфенди*, рассматривали дела о разводе (если оба супруга были согласны на развод), о наследстве (если между родственниками не возникало серьезных разногласий). Если же один из супругов не давал согласия на развод⁸ или в ходе раздела наследства возникали конфликты, то дело направлялось в горский словесный суд⁹. В этом суде конфликтные бракоразводные и наследственные дела рассматривало духовное лицо (*кадий*) вместе с другими – светскими – лицами (в редких случаях – единолично)¹⁰. Как правило, эти дела основывались на нормах шариата, однако при решении некоторых дел, связанных с наследством, горские словесные суды использовали и нормы адата. Иногда сами участники конфликта просили словесный суд применить нормы адата, а не нормы шариата. В частности, это видно из одного дела о наследстве, рассмотренного горским судом. Истец обратился в суд с просьбой при разборе его дела учесть бытовавшую у кабардинцев норму адата, согласно которой у старшего брата сохранялось право на распоряжение всем наследуемым имуществом без согласия остальных членов семьи, если это имущество не было предварительно разделено между братьями¹¹.

Применение правовых шариатских норм в судебной практике горского словесного суда в ряде случаев создавало сложные ситуации, в основе которых лежало различное толкование правовых норм шариата. Приведу пример. Кадий горского словесного суда по иску женщины рассматривал дело о разводе. Она написала в своем прошении, что муж не имел средств на ее содержание, и просила развода. Используя один из сборников *фетв*, кадий отказал в разводе на том основании, что отсутствие средств у мужа на содержание жены не могло служить поводом к расторжению брака. Председатель горского словесного суда решил провести дополнительную консультацию по этому вопросу и обратился в Закавказское духовное суннитское правление. Оттуда пришло следующее разъяснение: согласно нормам шариата, расторжение брака по иску жены могло производиться именно в том случае, если муж не имел средств на содержание жены. В результате горский суд пересмотрел дело и принял решение о разводе супругов. Процедура развода в суде была следующей: кадий или его помощник читал на арабском языке бракоразводную молитву, после чего оба супруга ее повторяли¹².

Реформирование шариата в 1920-е годы. Такое положение дел в области применения шариата в судебной практике сохранялось вплоть до 1920-х годов,

когда советская администрация начала проводить всесторонние преобразования на Северном Кавказе. В этот период создавалась правовая идеология, поддерживавшая развитие шариатского судопроизводства взамен медиаторского, основанного на адате. В формировании такого порядка приняли участие как представители советской администрации из центра, так и местные национальные деятели. И тех, и других объединило стремление еще более ослабить адат, в значительной степени уже поколебленный. Ряд местных партийных лидеров, называемых в партийных архивных источниках *шариатистами* (к ним можно отнести Н. Катханова, З. Мидова, К.-Г. Максидова и др.), стремились сохранить и значительно расширить функции шариатских судов¹³. Одновременно советские руководители и некоторые национальные партийные лидеры, формально соглашаясь на сохранение шариатского суда как такового, тем не менее предлагали изменить в корне его внутреннее содержание, видя в нем лишь переходный судебный орган.

В первые годы установления советской власти в КБР шариатисты выдвинули лозунг о ее поддержке, вступили в политический союз с ее сторонниками («Да здравствует советская власть, шариат и объединение народа!»)¹⁴. Н. Катханов, будучи командиром войск Нальчикского округа, убеждал своих соратников, что «коммунизм и шариатизм – одно и то же, за исключением одного тезиса о религии». На связь между шариатистами и большевиками в 1920–1921 гг. указывалось и в секретном докладе председателя областной администрации Кабарды, направленном в Народный Комитет по юстиции: «Шариатисты поддерживают большевиков, увязывая ученье о шариате с коммунистическим ученьем. Эта связь глубоко укоренилась в массах»¹⁵. Многие шариатисты, как, например, названный выше Н. Катханов, занимали различные должности в советской партийной и военной администрации.

В свою очередь советская власть предпочитала поддерживать не адат, а шариат. Поэтому большевики объявили о замене в целом на Северном Кавказе адатных судов шариатскими. Пока советская власть в регионе была слаба, ее представители пытались привлечь на свою сторону местные мусульманские народы, поддерживая шариат в ущерб адату. Позднее взаимоотношения между большевиками и шариатистами в КБР изменились: не получив ожидаемой поддержки от органов советской власти, сторонники расширения роли шариата у кабардинцев и балкарцев примкнули к антисоветски настроенным слоям населения (лицам из бывших привилегированных сословий, рядовым общинникам и духовным лидерам) и создали несколько крупных военных формирований, которые боролись против советской власти на Северо-Западном Кавказе. Наиболее известны из этих формирований отряды Кургоко Шипшева из селения Кахун численностью в 100 чел., Темиркана Шипшева, Хызыра Кацева и др.¹⁶

Несмотря на то что советских партийных лидеров шариат не устраивал именно в качестве судебной системы (они указывали, что «ученье о шариате на месте выявлялось главным образом в судопроизводстве»¹⁷), в начале 1920-х годов советская администрация на Северном Кавказе вообще и в Кабардино-Балкарии в частности объявила о своей готовности сохранить шариатное судопроизводство. В 1921 г. на Учредительном съезде Горской ССР С.М. Киров говорил горским депутатам: «Если вы желаете судиться по шариату – судитесь по шариату, это дело ваше в том смысле, что, очевидно, только такая форма суда в данном случае понятна народу»¹⁸. Выступая на Чрезвычайном съезде народов Дагестана от имени правительства РСФСР с декларацией о советской автономии Дагестана 13 ноября 1920 г., нарком по делам национальностей И.В. Сталин заявил: «Дагестан должен управляться согласно своим особенностям, своему быту, обычаям. Нам сообщают, что среди дагестанских народов шариат имеет серьезное значение. До нашего сведения также дошло, что враги Советской власти распространяют слухи, что Советская власть запрещает шариат. Я здесь от имени правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики уполномочен заявить, что эти слухи неверны. Правительство России предоставляет каждому народу полное право управляться на основании своих законов и обычаев. Советское правительство считает шариат таким же правомочным, обыч-

ным правом, какое имеется и у других народов, населяющих Россию. Если дагестанский народ желает сохранить свои законы и обычаи, то они должны быть сохранены»¹⁹.

Известно, что в Кабарде в 1921–1922 гг. функционировало 65 сельских и 4 окружных шариатских суда²⁰, осуществлявших свою деятельность, с опорой на «Положение о судопроизводстве в Кабардинской АО»²¹. Эти суды в официальных документах 1920-х годов назывались советско-шариатскими. Они находились под полным контролем государственной власти, подчиняясь Народному комиссариату юстиции, а также Внутреннему управлению Кабарды²². В архиве я обнаружила материалы заседаний этого управления, на одном из которых в 1921 г. было принято решение о введении косвенного наблюдения за сельскими шариатскими судами «с целью, – как сказано в архивном деле, – недопущения проведения противосоветских принципов»²³. Вначале шариатские суды финансировались государством, однако довольно скоро советские органы власти отказались от этого порядка, передав их на содержание сельским обществам²⁴.

Главная трудность при описании бытовавших в 1920-е годы на Северном Кавказе шариатских судов заключается в определении состава данного органа. С.М. Киров, разрешая деятельность этих судов, подчеркнул, что духовные лица не имеют права участвовать в его заседаниях. «Знатоки шариата среди горцев, – говорил он, – по своему умственному укладу и социально-экономическому положению далеки от идеалов трудящихся масс, и их деятельность носит ярко реакционный характер»²⁵. Это суждение по сути противоречило основам шариатского судопроизводства, осуществленного исключительно духовными лицами.

Вначале кабардинцы и балкарцы отнеслись к организации шариатских судов серьезно и стремились выбирать в них авторитетных духовных лиц. Так, в Урванском округе кабардинцы провели съезд, как сказано в архивном деле, «знатоков шариата», на котором выбрали кандидатов в члены сельских шариатских судов своего округа²⁶. В 1921 г. были изданы Правила для шариатских судов, составленные Али Абуковым. Сельские шариатские суды должны были состоять из трех человек: двух сельчан и одного эфенди. Их выборы проходили на заседаниях сельских советов²⁷. Тем не менее вскоре все духовные лица Кабардино-Балкарии были отстранены от шариатской судебной практики. То же самое имело место и в других северокавказских республиках. Исключением стал только Дагестан, где в состав шариатских судов действительно вошли многие духовные деятели²⁸.

В Кабардино-Балкарии сельский шариатский суд был постоянным судебным органом, в обязанности которого входило заседать 2 раза в неделю. Судопроизводство велось на русском языке, а судоговорение – на кабардинском или балкарском. Апелляции на решение сельских шариатских судов могли быть поданы в течение 15 дней в окружные шариатские суды. В отличие от российской пореформенной администрации, которая следила за выполнением решений шариатских судов, советские органы власти отказались это делать, предоставив этот контроль общине²⁹.

В компетенцию сельских шариатских судов входило рассмотрение частных дел кабардинцев и балкарцев. Суд не имел права разбирать дела, касающиеся всего населения. Если одна из сторон принадлежала к православному населению, то дело должно было передаваться в советский народный суд³⁰. Как отмечал З.Х. Мисроков, «первые законодательные акты предоставляли шариатским судам исключительно широкую компетенцию». Они могли рассматривать практически все виды уголовных и гражданских дел³¹. Однако уже к началу 1920-х годов их компетенция была значительно сужена. Так, в созданной в 1922 г. Кабардино-Балкарской автономной области за шариатскими судами было оставлено рассмотрение лишь мелких уголовных правонарушений (ссоры, драки, самоуправство) и гражданских дел, иски по которым не превышали 1000 руб. серебром; в их сферу входили также наследственные и бракоразводные дела³². Члены суда должны были следить за продажей спиртных напитков, делить пожертвования для бедных, регистрировать смерти, браки и разводы³³.

Анализируя реальную судебную практику шариатских судов в Кабардино-Балкарии, можно видеть, что они в основном рассматривали дела о нанесении хозяйственного ущерба, ранениях животных, краже или продаже скота, покупке дома, дела о наследстве, разделе имущества между родственниками, супругами, разводе, об установлении опекуна³⁴. Помимо этого в функции сельского шариатского суда входило составление «списков порочных лиц». Иногда эти суды рассматривали некоторые земельные споры как между односельчанами, так и между жителями разных селений³⁵. Например, в 1921 г. суд рассмотрел дело о спорном покосном участке между жителями двух селений – Нижнего и Верхнего Чегема³⁶. В редких случаях сельские шариатские суды рассматривали дела, связанные с причинением физического ущерба (ранения или убийства), а также об изнасиловании (я обнаружила в архиве несколько таких дел)³⁷.

В опубликованных судебных документах система наказания, которую имели право принять новообразованные шариатские суды, не была четко сформулирована. Как подчеркивал З.Х. Мисроков, «закон умалчивал о санкциях, налагаемых ими (шариатскими судами. – И.Б.) на те или иные преступления. Не существовало, в частности, указаний, за какие именно преступления назначаются наказания, предусмотренные мусульманским законодательством». В «Положении о судеустройстве в Кабардинской АО» содержались лишь общие формулы о том, что «шариатский суд имеет право по своему убеждению определять меры наказания»³⁸. Собранные З.Х. Мисроковым архивные документы свидетельствуют о реальном применении шариатских норм наказания только в Дагестане. Вопреки этому В.О. Бобровников считал, что и в Дагестане шариатские уголовные нормы практически не применялись³⁹.

В Кабардино-Балкарской области, как свидетельствуют собранные З.Х. Мисроковым и мною архивные материалы, не было случаев применения шариатских уголовных норм⁴⁰. В инструкциях по работе шариатских судов на Северном Кавказе были введены правила, запрещавшие этим судам приговаривать виновных к лишению жизни, телесным и членовредительским наказаниям, они должны были применять советские уголовные нормы наказания⁴¹. Тем не менее, по сведениям З.Х. Мисрокова, шариатские суды не всегда следовали этому правилу. Как показывают архивные данные, в Кабардино-Балкарии шариатские суды применяли комбинированную систему мер наказания: при рассмотрении бракоразводных дел они обращались к нормам шариата⁴², а при разборе дел, связанных с причинением имущественного ущерба (кражи, ранения животных), – к нормам адата⁴³. Наконец, в редких случаях, когда в шариатские суды поступали дела о причинении физического ущерба, судьи обращались к Уголовному кодексу РСФСР, применяя следующие нормы: за неумышленное убийство – 2 года, за умышленное – 5 лет. Тем не менее некоторые архивные данные показывают, что при урегулировании конфликта, в результате которого был причинен физический ущерб, кабардинцы и балкарцы предпочитали обращаться не в шариатский, а по-прежнему в медиаторский суд⁴⁴.

Деятельность окружных шариатских судов также не должна была противоречить советским законам⁴⁵. Если советские чиновники обнаруживали, что окружной шариатский суд рассмотрел дело, применив нормы шариата, они сообщали об этом в юридические областные органы⁴⁶. Как видно из архивных материалов, окружные шариатские суды оказались еще менее жизнеспособными, чем сельские, и были упразднены. Окончательно все виды шариатских судов оказались ликвидированы в Кабардино-Балкарии к 1925 г.⁴⁷

В 1926–1927 гг. в ряде регионов Северного Кавказа партийные и советские органы власти попытались вновь учредить шариатские суды. Бывшие сторонники усиления воздействий шариата в Кабардино-Балкарии – шариатисты, называвшиеся в партийных архивных документах конца 1920-х годов *панисламистами* (к ним можно отнести уже упомянутых Мидова и Катханова, а также Шогенцукова, Абукова, Хуранова, Шекихачева, Урусбиева, Абаева, Искендерова), вновь попытались утвердить нормы шариата в своей области⁴⁸. Однако областные партийные власти, как и ранее, не

поддержали их, считая, что в конце 1920-х годов в Кабардино-Балкарии «не существовало оснований для возрождения шариатского судопроизводства»⁴⁹.

Итак, сторонники расширения сферы применения шариата в Кабардино-Балкарии в 1920-е годы потерпели поражение. Как мне представляется, в основе их неудачи лежало сознательное выхолащивание из шариатского судопроизводства собственно основ шариата. По сути созданные в 1920-х годах шариатские суды стали одним из вариантов советских судов, имеющих мало общего с шариатом.

Современная религиозная жизнь кабардинцев и балкарцев включает в себя посещение мечети, совершение намаза, соблюдение поста (*уразы*) и ряда других религиозных обрядов. Как правило, сельчане посещают мечети один раз в неделю, по пятницам, а также во время главных мусульманских праздников. Отдельные прихожане, главным образом пенсионеры, бывают в мечети каждый день. По моему наблюдению, женщины с большей тщательностью, чем мужчины, соблюдают нормы шариата⁵⁰. Некоторые кабардинцы и балкарцы либо вообще не бывают в мечети, либо посещают ее крайне редко: например, один из моих собеседников – 80-летний кабардинец, бывший военный и партийный работник – бывает в мечети только по очень крупным праздникам⁵¹.

Мои наблюдения подтверждаются исследованиями других авторов: некоторые из них указывают, что кабардинцы и балкарцы никогда не были религиозными фанатиками и не обременяли себя многочисленными сложными религиозными обрядами. Каждый верующий кабардинец и балкарец считал достоянием совершать пятикратный намаз, держать *уразу*, приносить в жертву барана в день курбан-байрама, раздавать в пользу бедных *закят* (т.е. десятую часть своего годового дохода). Часто мужчины начинали соблюдать религиозные обряды при достижении преклонного возраста⁵².

Службу в мечетях проводят два человека – *имам* и *эфенди*. В 1980-е годы кабардинцы и балкарцы любого духовного деятеля называли эфенди, ныне появилось различие в статусе и в обращении к духовным лицам. Слово *мулла* в их среде не употребляется⁵³. Под наблюдением главы администрации сельские имамы выбирают *раис-имам*, т.е. главного имама в районе, который координирует деятельность сельских духовных лиц. В свою очередь, раис-имамы объединяются в Совет раис-имамов, который подчиняется Духовному управлению мусульман (далее – ДУМ) республики⁵⁴. Должности в сельских мечетях занимают, во-первых, те, кто получил духовное образование либо за границей (главным образом в Саудовской Аравии или Сирии), либо в г. Нальчике – в Исламском институте; во-вторых, те, кто окончил функционирующие с начала 1990-х годов в г. Нальчике двухгодичные курсы арабского языка, и, наконец, простые кабардинцы и балкарцы, знающие арабские молитвы. По данным ДУМ КБР, из 160 имамов, возглавляющих ныне религиозные общины, только 40 чел. получили специальное религиозное образование⁵⁵.

В настоящее время в КБР начальное мусульманское образование можно получить в сельских начальных школах-медресе и в Исламском центре, а высшее – в Исламском институте в г. Нальчике и в учебных заведениях Турции, Сирии, Иордании, Саудовской Аравии. Во многих районах КБР организованы сельские начальные школы: в Баксанском р-не их 16, в Чегемском – 10 и т.д. Всего в КБР 54 учебных заведения, в которых обучаются 1612 чел. В Исламском центре учащиеся получают начальное образование: их учат чтению Корана и совершению намаза. Первая школа-медресе открылась в Нальчике в 1991 г., в 1993 г. она была преобразована в Исламский институт – высшее учебное заведение, в котором преподают широко образованные лица из Сирии, Иордании и Ливии⁵⁶. В настоящее время в нем учится 100 чел. В программу обучения входят 10 основных предметов, включающих изучение Корана, языков (кабардинский, балкарский и арабский), правил поведения мусульманина, а также норм права, касающихся раздела имущества и наследования⁵⁷.

В Кабардино-Балкарии службы в мечетях идут на арабском языке. Кабардинцы и балкарцы-односельчане посещают одну и ту же мечеть. Помимо служб имамы проводят с прихожанами дополнительные беседы – либо в мечети после окончания служ-

бы, либо во время собраний сельчан. Во время таких бесед они произносят проповеди, затрагивающие отдельные стороны жизни мусульманина, на кабардинском или балкарском языке (если селение моноэтническое) и на двух языках поочередно (если селение кабардино-балкарское). Как свидетельствует полевой материал, многие имамы, исполняющие службы в смешанных селениях, как правило, владеют не только родным, но и языком своих соседей. Иногда используется и русский язык как язык межнационального общения⁵⁸. В силу всего сказанного выше, очевидно, что языковой проблемы, связанной с этнической принадлежностью, в КБР не существует. Можно говорить о проблеме владения арабским языком: простые сельчане его не знают, но хотят понимать смысл произносимых имамом молитв. Поэтому многие из них стараются приобретать рукописные переводы основных мусульманских молитв. До сих пор в республике не изданы молитвенники на кабардинском или балкарском языке. За 1990-е годы руководство ДУМ подготовило перевод Корана на балкарский язык, однако специалисты сочли его плохим, так как осуществлялся он не с оригинала, а с русского перевода. В настоящее время под руководством З.М. Налоева готовится к изданию перевод Корана на кабардинский язык⁵⁹.

Мусульманские традиции наблюдаются в похоронной и брачной обрядности кабардинцев и балкарцев. Покойника тотчас после смерти омывают, заворачивают в саван (мужчину в три слоя материи, а женщину – в пять), и в тот же день родственники хоронят его. На кладбище сельчане выстраиваются в одну, три или пять шеренг, а умершего располагают головой к западу. Имам читает молитву *джиназ*, затем кладет в могилу покойного *дуа* – молитву, написанную на куске материи от савана. Если на одном квартальном кладбище встречаются одновременно две похоронные процессии, то имам произносит молитву вначале над тем, кто умер раньше⁶⁰.

Мусульманский обряд бракосочетания *неках* совершается чаще всего перед тем, как молодые регистрируют свой брак в загсе, реже – после него. Неках состоит в том, что родственники невесты и жениха берут друг друга за руки таким образом, чтобы их большие пальцы соединились. Во время чтения молитв имам берет в свою руку большие пальцы родственников молодоженов и спрашивает их, согласны ли они с этим браком⁶¹.

В настоящее время у кабардинцев и балкарцев не применяются (или же применяются избирательно) нормы шариата при разводах, разделе имущества или наследства⁶². Хотя в последние годы многие женщины обращаются к духовным лицам с просьбой совершить их развод по шариату, тем не менее в целом эта традиция не получила у прихожан значительной поддержки. Правовые нормы шариата по разделу имущества и наследства, как я указывала выше, и до революции не имели повсеместного применения и использовались наряду с нормами адата. За годы советской власти и те, и другие правила не соблюдались. В 1950–1990-е годы раздел имущества при разводе супругов и раздел наследства осуществляется по-разному: строгих правил на этот счет нет. При разделе имущества супругов важным фактором является наличие или отсутствие детей. Если в семье много детей, то обычно мужчина оставляет бывшей жене дом и имущество. Если детей нет, то женщина переселяется в дом родителей, а дом и имущество достаются бывшему мужу⁶³.

Раздел наследства у кабардинцев осуществляется по-разному: 1) все имущество родителей достается младшему сыну, проживающему, как правило, с ними; 2) все имущество делится на равные части между сыновьями; 3) все имущество делится на равные части между сыновьями и дочерьми. Преобладают первые две нормы. В основе первой нормы лежит традиция отделения старших сыновей при жизни родителей. Обычно это происходит к моменту их женитьбы. Родители и младшие братья помогают жениху построить дом и снабжают его всем необходимым для семейной жизни. В результате после отделения всех старших сыновей с родителями остается самый младший, которому и достаются их дом и имущество. В основе второй нормы лежит традиция выплаты калыма при выдаче дочерей замуж: он рассматривается как их доля в имуществе родителей. При применении данных норм иногда возникают иму-

щественные конфликты, поэтому предпочтительным оказывается раздел на равные части между сыновьями и дочерьми наследодателя⁶⁴.

В настоящее время, по мнению духовных лидеров КБР, перед ними стоят две главные проблемы: во-первых, ликвидировать те обычаи, которые практикуются мусульманами, но в действительности не имеют ничего общего с шариатом и лишь исторически связаны с реальными мусульманскими обычаями; во-вторых, унифицировать бытующие мусульманские обряды. Поясню, что я имею ввиду. Дело в том, что, как я указывала выше, большинство сельских духовных лиц не имеют специального духовного образования, плохо осведомлены об основных нормах шариата и во многом исполняют обряды «на слух» (по выражению зам. председателя ДУМ КБР Т. Азмурзаева). В результате на бытовом уровне ислам в КБР отличается от нормативного. Сложившаяся ситуация отражается на соблюдении и отправлении религиозных обрядов и предписаний: в различных населенных пунктах КБР одни и те же обряды: деур, поминки, накях и др. – совершаются по-разному⁶⁵. Рассмотрим, в чем же состоят эти различия.

В настоящее время многие сельчане нарушают одно из правил шариата, а именно проведение похорон в день или на следующий день после смерти человека. Известны случаи, когда тело умершего человека остается в доме несколько дней: ожидают прибытия родственников издалека⁶⁶. По мнению духовных лиц КБР, не соблюдаются нормы шариата и при совершении поминок на 9, 40, 52-й день, а также через 6 месяцев и 1 год после смерти, сопровождающихся обильным угощением. Многие устраивают поминки и на третий день после похорон (эта традиция возникла только в послевоенное время⁶⁷). Духовные лидеры КБР пытаются объяснить прихожанам, что, согласно мусульманским канонам, категорически запрещается резать скот и готовить еду в доме умершего. Зная это, некоторые сельчане стараются проводить поминки в доме своих соседей. По-разному горцы высказывают и сочувствие: в Терском и Урванском р-нах просто становятся рядом с родственниками умершего и произносят слова соболезнования, тогда как в Баксанском р-не при соболезновании обязательно пожимают руку каждому родственнику, хотя духовные лица считают, что в этой ситуации касаться руками не следует⁶⁸. Наряду с этим в 1990-е годы в КБР установилась традиция, согласно которой родственники умершего во время поминок составляют список лиц, оказавших финансовую помощь при устройстве похорон, и в соответствии с размером вложенных сумм выделяют доли поминальной пищи. Духовные лица КБР выступают против таких действий⁶⁹.

Для решения указанных проблем, связанных со сложившейся религиозной ситуацией, и руководство ДУМ республики, которому подчинены сельские религиозные общины, и раис-имамы, и образованная часть сельских имамов проводят многочисленные беседы с сельскими жителями, а также республиканские съезды мусульман Кабардино-Балкарии⁷⁰. Между тем попытка духовных лидеров и образованной части сельских имамов унифицировать практику применения мусульманских обрядов встречает сопротивление как в среде менее образованных сельских духовных лиц – имамов и эфенди, так и в среде сельчан. Прихожане не только не стремятся к точному соблюдению официальных норм ислама, но, наоборот, предпочитают придерживаться «традиционного ислама»⁷¹. Иногда после проведения духовными лицами бесед с прихожанами последние стараются некоторое время следовать их советам. Например, старики из селения Исламей рассказывали, что после визита в их селение руководителя ДУМ КБР Ш. Пшихачева и проведенной им беседы некоторые прихожане действительно перестали справлять поминки на третий день после похорон. Первые 20 похорон прошли без этих поминок, однако затем сельчане вернулись к прежней практике, несмотря на все просьбы сельского имама не делать этого⁷².

Формирование современной правовой идеологии. В 1990-е годы вновь проявилось стремление ряда политических и общественных лидеров расширить сферу применения шариата в КБР. В целом можно выделить три позиции по отношению к будущему шариата.

В основе первой лежат поддержка шариата в области лишь обрядово-этической сферы его применения и отказ от юридического оформления его правовых норм; ни многоженство, ни регистрация брака имамом не должны быть внесены в Семейный кодекс как правовые нормы. Этих взглядов придерживаются многие представители республиканской власти, правоохранительных и судебных органов, а также лидеры ДУМ КБР. В пользу этой позиции предлагаются различные аргументы. Например, руководители ДУМ КБР Ш. Пшихачев и Т. Атмурзаев считают, что в настоящее время не следует ни запрещать, ни юридически оформлять те исламские нормы, которые бытуют в республике, а тем более возрождать уже утраченные в силу ряда обстоятельств. Такая сдержанная позиция духовных лидеров опирается на отсутствие, по их мнению, в настоящее время условий для возрождения ислама хотя бы в том виде, в каком он существовал до революции. По мнению духовных руководителей, возрождение правовых норм шариата в КБР – процесс неизбежный, но на данном этапе крайне преждевременный как для жителей республики, так и для самих духовных лидеров и республиканских властей. У жителей республики, кабардинцев и балкарцев, за последнее десятилетие возник страх перед шариатом в той форме, какая сложилась в Чечне и Дагестане. Именно поэтому введение шариатского права и шариатского судопроизводства в Чечне в значительной мере затормозило наметившийся было процесс расширения сферы применения шариата в Кабардино-Балкарии.

Другая проблема заключается не только в отсутствии образованного слоя сельских духовных лиц, но и в нежелании большинства сельских служителей культа реформировать религиозную практику. Многие из них предпочитают практиковать «по старинке», что вполне устраивает и прихожан. Иными словами, ни в самом народе, т.е. в его религиозном правосознании, ни в среде сельских духовных лиц к настоящему времени не проявилась потребность к развитию и углублению применения норм шариата. В силу этого, как считают духовные лидеры республики, в ближайшие десятилетия им предстоит не столько расширять сферу применения шариата, сколько унифицировать обряды, уже практикуемые в республике, в применении которых, как я отмечала выше, наблюдается значительный разнбой⁷³. Именно с этой целью под руководством ДУМ КБР в последние годы проводятся съезды мусульман Кабардино-Балкарии, на которые съезжаются представители всех религиозных общин республики⁷⁴.

Наконец, несмотря на все официальные заверения Комиссии по связям с религиозными организациями об отделении религии от государства, религиозная политика нынешнего республиканского руководства Кабардино-Балкарии состоит в формировании контроля над возрождением шариата и в ограничении деятельности ДУМ КБР⁷⁵. Многие общественные деятели подчеркивают, что именно властные структуры способствовали тому, что во главе ДУМ оказались люди маловлиятельные и неспособные к значительным преобразованиям в области ислама. Например, попытка руководителей ДУМ провести через Парламент КБР закон о многоженстве закончилась (в отличие от Ингушетии) неудачей⁷⁶.

Иной взгляд на шариат можно охарактеризовать как полиюридизм в двух формах – радикальной и умеренной. В основе этой позиции лежит идея о неизбежности процесса судебного реформирования и создания республиканского законодательства, которое учтет присущие кабардинцам и балкарцам традиции, в том числе и правовые традиции шариата. По мнению плюралистов, среди всего правового наследия горцев можно выделить «полезные» традиции, утраченные в последние десятилетия, которые следует возродить и впоследствии ввести в законодательство как нормы. К «полезным», по мнению сторонников этой точки зрения, относятся и мусульманский обряд развода, правила раздела имущества супругов и нормы наследования. Многоженство, или, вернее, двоеженство, – тоже «полезная» традиция, однако такая семья в республике встречается крайне редко, поэтому традиционно ее можно поддерживать только на уровне общественного мнения, без дальнейшего законодательного оформления. Большинство парламентариев были против введения в Семейный кодекс КБР статей,

узаконивающих мусульманские бракоразводные нормы, из-за боязни, что вслед за этим придется вводить мусульманские нормы и раздела имущества, и наследования, в то время как общество к этому не готово.

Третьей позиции, которую можно охарактеризовать как федеральную, придерживается большинство депутатов Парламента КБР и республиканских чиновников. Они полностью поддерживают принципы федеральной государственной, в том числе и правовой, политики и признают государственное право как единственный правовой порядок на Северном Кавказе. В силу этого свою законодательную или исполнительную деятельность они стараются согласовывать с соответствующими федеральными законами⁷⁷. Аргументируется такая точка зрения отсутствием (по их мнению) в настоящее время традиционного правосознания у народа. Они убеждены, что советская судебная система за 70 лет настолько изменила правовые ценности кабардинцев и балкарцев, что можно говорить о преобладании в КБР российского правосознания в большей степени, чем это имеет место в других северокавказских республиках⁷⁸. Например, юрист Т. Катанчиев сообщил, что он, проработав в органах прокуратуры 38 лет, всего лишь несколько раз сталкивался с делами по обвинению в двоеженстве, поэтому, по его мнению, «на разрешение многоженства в республике нет правовой базы... отсутствует и желание, за редким исключением, населения республики»⁷⁹.

Итак, подведу итоги моего исследования. Как мне представляется, несмотря на то что Кабардино-Балкария – район традиционного распространения ислама, ее население ни в сложившейся за последние годы правовой и религиозной идеологии, ни в реальной жизни не стремится ныне значительно расширять сферу применения ислама – как его религиозно-этических, так и правовых норм. В республике наблюдается приверженность лишь к ритуальным, культурно-бытовым исламским порядкам. В то же время ислам не претендует на регулирование всех аспектов жизни и деятельности кабардинцев и балкарцев. Думается, что нормы шариата в области раздела имущества и наследования (*фараид*) будут востребованы в КБР не скоро. В популярных брошюрах, адресованных простым гражданам, нормы фараид не приводятся. Тем не менее в высших учебных заведениях, в частности в Исламском институте, будущие служители культа получают знания и об этой части шариатского права⁸⁰. Ситуация, сложившаяся в республике, заключается в том, что у большинства общественных, политических и религиозных лидеров республиканского уровня нет желания при решении определенных политических или национальных задач опираться на фактор ислама как это происходило в Чечне или Дагестане в 1990-е годы. Поэтому, очевидно, в ближайшем будущем ислам в Кабардино-Балкарии займет свою нишу в культурной жизни кабардинцев и балкарцев, не оказывая значительного влияния на социально-экономическую и общественно-политическую жизнь республики.

Примечания

¹ Емельянова Н. Мусульмане Кабарды. М., 1999. С. 80, 86–87, 90–91, 95.

² Полевые этнографические материалы автора (далее – ПЭА). Тетр. 2. Оп. 1. Д. 3, 9.

³ Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 1–2.

⁴ Кучмезова М.Ч. Имущественные и наследственные права балкарцев в XIX в. // Вест. Кабардино-Балкарского НИИ истории, языка и литературы. Вып.6. Нальчик, 1972. С. 183–187; Думаев Х.М. Обычное имущественное право кабардинцев. Нальчик, 1976. С. 6, 68.

⁵ Свещикова Л.Г. Семейное право горцев в XIX – начале XX в. Историко-юридическое исследование. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. С. 95–96.

⁶ Там же. С. 104, 109–110, 119.

⁷ О деятельности сельских и горских словесных судов на Северо-Западном Кавказе см.: Бабич И.Л. Судебная реформа и обычное право в адыгейской общине // Этнограф. обозрение. 1999. № 2. С. 17–30.

⁸ Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 454. Оп. 2. Д. 162; Ф. 660. Оп. 1. Д. 2.

⁹ Там же. Ф. 660. Оп. 1. Д. 299.

¹⁰ Агшиев Н.М., Бушени В.Д., Рейнке Н.М. Материалы для обозрения Горских и народных судов Кавказского края. СПб., 1912. С. 12, 15, 42, 52, 56.

- ¹¹ Центральный Государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (далее – ЦГА КБР). Ф. И-22. Оп. 1. Д. 182. Л. 1 об.; 3 об.; Д. 119. Л. 1–9; Д. 246. Л. 1, 2; Д. 12. Л. 15–16.
- ¹² *Агишев Н.М., Бушен В.А., Рейнке Н.М.* Указ. раб. С. 25.
- ¹³ ЦГА КБР. Ф. Р-3. Оп. 3. Д. 17. Т. 1. Л. 47.
- ¹⁴ *Никонов.* «О мультско-кулацком княжеско-дворянском блоке». 1928 г. // Архив Кабардино-Балкарского НИИ истории, филологии и экономики. Ф.-2. Оп. 3. Д. 1. Инв. № 916. С. 12.
- ¹⁵ ЦГА КБР. Ф. Р-3. Оп. 3. Д. 17. Т. 1. Л. 47.
- ¹⁶ Карахалк. 1925. № 650, 654; *Никонов.* Указ. раб. С. 12.
- ¹⁷ Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики (далее – ЦДНИ). Протоколы 1924 г. Заседания. Оп. 1. Д. 18. Л. 48–49.
- ¹⁸ *Киров С.М.* Избр. статьи и речи. М., 1957. С. 128.
- ¹⁹ *Сталин И.В.* Соч. Т. 4. М., 1947. С. 395–396.
- ²⁰ ЦГА КБР. Ф. Р-155. Оп. 1. Д. 15. Л. 2; Ф. Р-125. Оп. 1. Д. 9. Л. 48.
- ²¹ Там же. Д. 26. Л. 18–19. Цит по: *Мисроков З.Х.* Адатные и шариатные суды в автономиях Северного Кавказа. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. С. 118.
- ²² Там же.
- ²³ ЦГА КБР. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 16. Л. 6 об.
- ²⁴ *Мисроков З.Х.* Указ. раб. С. 118.
- ²⁵ *Киров С.М.* Указ. раб. С. 128.
- ²⁶ ЦГА КБР. Ф. Р-64. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.
- ²⁷ Там же. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1а. Л. 34.
- ²⁸ Там же. С. 148.
- ²⁹ Там же. С. 106.
- ³⁰ Там же. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 2а. Л. 83–83 об.
- ³¹ *Мисроков З.Х.* Указ. раб. С. 100.
- ³² Там же. С. 102.
- ³³ ГА КБР. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 2а. Л. 83–83 об.; Д. 47. Л. 198.
- ³⁴ Там же. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 2а. Л. 14; Ф. Р-120. Оп. 1. Д. 8. Л. 115; Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 98, 233, 247, 249; Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 19, 20, 30.
- ³⁵ Там же. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 214; Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 47. Л. 96.
- ³⁶ Там же. Д. 214.
- ³⁷ Там же. Д. 25, 36, 66.
- ³⁸ *Мисроков З.Х.* Указ. раб. С. 132.
- ³⁹ *Бобровников В.О.* Трансформация обычного права в колхозной деревне Дагестана // Мат. науч. отчета для Ин-та «Открытое общество» (1998).
- ⁴⁰ *Мисроков З.Х.* Указ. раб. С. 111.
- ⁴¹ Там же. С. 133.
- ⁴² ЦГА КБР. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 98.
- ⁴³ Там же. Д. 50, 53, 54, 63, 80, 172; Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 2а. Л. 83–83 об.; Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 19, 20, 30.
- ⁴⁴ Там же. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 14. Л. 19; Д. 25, 36, 62. Л. 10 об.; Ф. Р-165. Оп. 1. Д. 1.
- ⁴⁵ Там же. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 16. Л. 1, 5.
- ⁴⁶ Там же. Л. 6 об.
- ⁴⁷ *Мисроков З.Х.* Указ. раб.
- ⁴⁸ ЦГА КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 456. Л. 21; Р-3. Оп. 3. Д. 35. Т. 2. Л. 367; *Никонов.* Указ. раб. С. 20.
- ⁴⁹ ЦГА КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 130. Л. 72, 75, 77–81.
- ⁵⁰ ПЭА. Тетр. 2. Оп. 1. Д. 13.
- ⁵¹ Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 1–3.
- ⁵² *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999. С. 179–180.
- ⁵³ ПЭА. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 1, 3–4; тетр. 2. Оп. 1. Д. 9.
- ⁵⁴ Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 2.
- ⁵⁵ Там же. Тетр. 1 Оп. 1. Д. 2–3; тетр. 2. Оп. 1. Д. 9.
- ⁵⁶ *Емельянова Н.* Указ. раб. С. 99.
- ⁵⁷ ПЭА. Тетр. 2. Оп. 1. Д. 12; *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Указ. раб. С. 179–180.
- ⁵⁸ ПЭА. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 2–4, 9; тетр. 2. Оп. 1. Д. 4, 8.
- ⁵⁹ Там же. Тетр. 2. Оп. 1. Д. 8, 9; тетр. 1. Оп. 1. Д. 2.
- ⁶⁰ Санэ Л. Ислам: погребальные обряды // Хасэ. 1998. № 6; его же. Я б имел трех жен // Там же; ПЭА. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 1, 2, 4.
- ⁶¹ ПЭА. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 1–4; тетр. 2. Оп. 1. Д. 9.
- ⁶² Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 1, 3; тетр. 2. Оп. 1. Д. 9.

- ⁶³ Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 3, 9.
- ⁶⁴ Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 2; тетр. 2. Оп. 1. Д. 9.
- ⁶⁵ Там же. Тетр. 2. Оп. 1. Д. 9.
- ⁶⁶ *Санэ Л. Ислам...; его же. Я б имел...*
- ⁶⁷ ПЭА. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 2, 3.
- ⁶⁸ Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 2; тетр. 2. Оп. 1. Д. 9.
- ⁶⁹ *Санэ Л. Ислам...; его же. Я б имел...*
- ⁷⁰ Сов. молодежь. 1998. № 10.
- ⁷¹ ПЭА. Тетр. 2. Оп. 1. Д. 9.
- ⁷² Там же. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 2.
- ⁷³ Там же. Тетр. 2. Оп. 1. Д. 9.
- ⁷⁴ Сов. молодежь. 1998. № 10.
- ⁷⁵ ПЭА. Тетр. 2. Оп. 1. Д. 3, 8.
- ⁷⁶ Кабардино-Балкарская правда. 1998. № 125.
- ⁷⁷ ПЭА. Тетр. 2. Оп. 1. Д. 2.
- ⁷⁸ Там же. Тетр. 2. Оп. 1. Д. 11.
- ⁷⁹ Кабардино-Балкарская правда. 1998. № 181.
- ⁸⁰ ПЭА. Тетр. 2. Оп. 1. Д. 12. 9.

I.L. B a b i c h. Islam in modern Kabardino-Balkaria: legal aspects

On the basis of personal ethnographical field studies the author considers the legal aspects of Islam in modern Kabardino-Balkaria, raises and resolves the following questions: historical roots of the modern state of religious life, application sphere of Islam, place of legal norms in the religious life, attitude of the government structures, local politicians and spiritual leaders to Islam. At present neither in the religious ideology that has developed in recent years, nor in the real life of the Kabarda and Balkar peoples there is any tendency to the expansion of the sphere of application of Islam either in the religious-ethical or legal norms.

От редколлегии

Редколлегия «ЭО» комментирует публикации в своем журнале крайне редко. Данный случай заслуживает особого внимания. Этнографическое музейное дело имеет, по крайней мере, не меньшее значение для науки, просветительства, пропаганды этнической, расовой, конфессиональной терпимости, нежели высокие этнологические теории.

Статья А.Б. Ипполитовой ценна тем, что она практически впервые столь подробно описывает сложную историю проблемы. Автор, однако, не знает продолжения этой истории, которая отражена в переписке Института этнографии АН СССР (а затем Института этнологии и антропологии) с официальными инстанциями государства и Москвы. В архивах ИЭА РАН сохранились некоторые (к сожалению, не все) соответствующие документы.

Судя по имеющимся у нас документам, идея воссоздания музея или создания чего-то подобного обсуждалась еще в 1960-е гг. Так, имеется недатированная копия письма директора Института этнографии АН СССР Ю.В. Бромлея в Министерство культуры СССР, которое, судя по содержанию, относится ко времени не ранее 1982 г. В письме отмечается, что еще в 1964 г. министром культуры СССР был издан приказ (№ 444 от 27.04.) о подготовке материалов к созданию этнопарка в Москве. В 1978 г. по заказу Министерства культуры и Академии наук СССР НИИ Генплан Москвы начал работу над технико-экономическим обоснованием проекта. В 1980 г. все компетентные организации (Ученый совет ГлавПУ, Министерства культуры СССР и РСФСР, Всесоюзное общество по охране памятников истории и культуры) поддержали предложение Института этнографии АН СССР о создании этнопарка в Царицыне. Наконец, в 1982 г. Постановление ЦК КПСС в связи с 60-летием образования СССР прямо предписывало создание в Москве этнопарка народов СССР. В силу каких-то причин (можно догадываться, что они были связаны с последовавшей чередой смены высших руководителей страны) это постановление не было выполнено.

Следующий этап переговоров пришелся на начало 1990-х гг. С.В. Чешко, который, будучи заместителем директора Института этнографии, одно время занимался этой проблемой, вспоминает об обращении к Р.М. Горбачевой и ее поддержке идеи создания этнографического музея в Москве (к сожалению, обнаружить переписку с Р.М. Горбачевой не удалось). Сохранилась копия письма председателю Моссовета Г.Х. Попову и его заместителю С.Б. Станкевичу (копии были направлены также в две постоянные комиссии Верховного Совета СССР), подписанного директором ИЭ РАН В.А. Тишковым и Почетным директором Института Ю.В. Бромлеем (№ 14110/2115 от 17.05.1990), в котором отмечается, что на предыдущее обращение с просьбой выделить для музея 2 тыс. кв. м Мосгорисполком ответил отказом. На данное письмо положительно отреагировала Постоянная комиссия по культуре, искусству и охране исторического наследия Моссовета, однако Мосжилучет вновь вынес отрицательную резолюцию, сославшись на то, что у Академии наук и так есть резервные площади (№ 838/3-1 от 31.10.1990). Руководство Академии также не проявило интереса к проекту.

В 1993 г. директор ИЭА РАН (к тому времени Институт этнографии был уже переименован) В.А. Тишков безуспешно обращался к министру культуры СССР Е.Ю. Сидорову с просьбой оказать финансовую поддержку созданию этнографического музея в рамках Института (№ 14110/5135-148 от 25.03.1993). В 1990-е гг. предпринимались попытки создать на базе музея «Новый Иерусалим» (в Истре), а затем в Строгино музейно-исследовательский этнографический центр, однако в силу ряда причин эти проекты не были осуществлены.

Отчаявшись в надежде найти понимание со стороны федеральных и городских инстанций, ИЭА РАН добился конституирования собственного музея, что стало возможным благодаря действенной поддержке со стороны Музейной комиссии РАН и ее председателя Т.И. Алексеевой. Сегодня в четырех кабинетах Музея сосредоточено около 80 тыс. единиц хранения (этнографические, антропологические, археологические экспонаты), представляющие культуру ряда регионов древней и средневековой Средней Азии, Восточной и Южной Азии, Океании, Америки, Африки, России. К сожалению, музей института практически не имеет возможностей развиваться, перспектив превратиться в полноценный этнографо-антропологический музей,